

П

етр Лукич Проскурин один из классиков советской русской литературы. В текущем январе ему минуло бы 90 лет. Уроженец поселка Косицы Брянской губернии, в середине 1960-х годов он жил и работал в Орле, много раз бывал в Воронеже, входил в состав редакционной коллегии журнала «Подъём». По стечению обстоятельств, «орловский период» в биографии Проскурина остается малоисследованной темой, хотя он имел ключевое значение в творческой судьбе писателя. Не претендуя на полноту и завершенность темы, хочу рассказать о жизни и работе Петра Проскурина в Орле в середине 1960-х годов.

Уже во времена перестройки Проскурин вспоминал: «Первую свою вещь я написал про Орловщину. Это был мой роман «Глубокие раны». Написан он на Камчатке. Произведение про оккупацию, о борьбе подпольщиков, с детективным сюжетом. Но язык был, конечно, орловский. Это тот орловский языковой куст, из которого вышла вся наша великая литература... Орел, Брянск, Смоленск, Тула, Калуга — это огромный языковой заповедник. И ныне так, хотя теперь первозданную, самобытную речь можно услышать по большей части на редких базарах, в глубинке, в брянских лесах... Когда я замыслил писать свою эпопею? И почему эпопею? Да потому что хотел исследовать в ней, что произошло с русским народным характером, что дала ему революция и к чему привела со временем. И я понял, что на Даль-

нем Востоке об этом не напишу, поскольку мне не хватает языка. Пришлось вернуться в Орел и окунуться там в речевой океан»¹.

Петр Проскурин уезжал в Орел из Москвы (там окончил Высшие литературные курсы) прежде всего как автор романа «Горькие травы». Ныне это название мало о чём говорит массовому читателю, а полвека назад оно стало своеобразным паролем для тех, кто ждал глубокого и искреннего осмыслиения значения предыдущих десятилетий. Обозреватель «Сибирских огней» Н. Яновский² назвал роман масштабным произведением и обратил первостепенное внимание на то, что автор пытается подвести нравственный итог совсем недавно завершившейся эпохе сталинской империи: ««Покаяние», конечно, не ответ на новые вопросы действительности, но бесспорен факт: с него, по-честному, и надо бы начинать некоторым нашим руководителям»³. И здесь надо заметить, что ключевая для российского социума тема «земля (народ) и власть» была остро и художественно ярко поднята Проскуриным на два десятилетия раньше начала перестройки. Идеи Проскурина для того времени оказались почти революционны, а значит, преждевременны. К тому же в Москве осенью 1964 года сменилась власть. Людям, определявшим движение литературной жизни, было не до него — пусть и многообещающего, но пока еще все-таки молодого и не именитого писателя. А значит, пристанище надо было искать где-нибудь в провинции. Но и унывать не стоило: в уникальное время некоей ценностной эклектики, на переломе идеологических векторов автор при желании мог вложить в свой текст практически все: от революционной патетики до космизма, почвенничества и обнаженной психологической пластики.

В автобиографической книге Проскурин писал позднее: «Мне стукнуло тридцать шесть лет, было уже написано три романа, много рассказов, но по тематике все больше намечался крен в сторону исконной, срединной России, с ее болью и неурядицами, которых после войны не убавлялось. Для меня что-то главное должно было решаться именно здесь, и я, пока еще смутно, чувствовал это... Нельзя было, живя на Дальнем Востоке, в совершенно иных географических и исторических условиях, ежедневно, ежечасно вращаясь среди людей, собранных со всех концов страны, написать большое обобщающее полотно о коренной, срединной полосе России. Но сразу нельзя было подыскать город для долгого местожительства: выплывали и Калуга, и Рязань, и Орел, и, пожалуй, вопрос прежде всего зависел от получения подходящего жилья. Побывал я в Рязани, в Обнинске, в Орле; в то время главным редактором «Орловской правды» был писатель Патенков Иван Михайлович. Он жил идеей собрать в Орле по возможности сильную писательскую организацию. Познакомившись со мной и узнав о моих планах и затруднениях, сделал все возможное, чтобы я переехал именно в Орел; несмотря на острейший жилищный вопрос, в городе мне немедленно выделили трехкомнатную квартиру; Иван Михайлович возил меня по городу, ходил со мной вечерами, много рассказывал и рассуждал о всяких делах; одним словом, мы как-то легко и быстро пришли друг другу по душе, и скоро вопрос был решен»⁴.

В архивном фонде писательской организации сохранилась копия письма:

«25 января 1965 г.
Председателю Орловского городского
исполнительного комитета
депутатов трудающихся
Удалову Н.А.

Уважаемый Николай Антонович!

Орловское областное отделение Союза писателей Российской Федерации убедительно просит Вас представить квартиру члену Союза писателей Проскурину Петру Лукичу с семьей.

Переезд известного писателя Проскурина П.Л. на постоянное место жительства в г. Орел имеет большое значение для развития литературного движения в нашей обла-

сти. Поэтому Орловское отделение СП настоятельно просит Вас ускорить обеспечение тов. Прокурина П.Л. квартирой.

С уважением,
ответственный секретарь
Орловского отделения СП РСФСР В.А. Мильчаков⁵.

Квартира, действительно, была предоставлена скоро — Прокурины поселились в новой пятиэтажке по улице Тургенева, 47, кв. 12. Дом этот нельзя отнести к разряду элитных, но прежде всего значимо было то, что рядом центр города, сквер Дворянское гнездо, где Петру Лукичу так понравилось гулять с детьми. Отсюда же пролег его маршрут в областную библиотеку имени Н.К. Крупской, в обширном читальном зале которой у него появилось привычное место для работы над рукописями.

Вскоре квартиру выделили и семье тестя Рустама Константиновича Агишева. Автор повестей «Даурская роза», «Оуэнга», романа «Зеленая книга» знал об Орловщине не понаслышке. Летом 1943 года корреспондент дивизионной газеты капитан Агишев сражался здесь с фашистами, был награжден медалью «За боевые заслуги».

Вместе с Рустамом Константиновичем перебралась из Хабаровска в Орел вся семья: жена, Серафима Клавдиевна Плисецкая, его мать и сестра. Они получили жилье в Больничном переулке (ныне улица Сурена Шаумяна), в десяти минутах ходьбы от дома Прокуриных.

Серафима Плисецкая была не чужда драматургии — выступала соавтором пьес мужа, работала заведующей литературной частью Орловского драматического театра, участвовала в постановке в Орле инсценировки романа Прокурина «Горькие травы».

Лилиана Прокурина вспоминала: «Мы были одним целым, жили одним дыханием с Петром Лукичем, и этого дыхания хватило на всю нашу совместную жизнь. Он был схимником, человеком не от мира сего. В самом начале нашего совместного пути я увидела, почувствовала это фанатическое служение литературе. Смысль его жизни был только в творчестве... Прожили мы в Орле счастливейших четыре года. Ничто не мешало ему работать, росли дети. Ездили часто к его матери Прасковье Яковлевне. На легковой машине можно было доехать в Косицы за два часа. Счастливейшая полоса жизни!»⁶

В документах писательской организации тех лет не часто, но все же встречается имя Прокурина (он почти не участвовал в «дежурных» мероприятиях). Так, в справке о работе Орловского отделения Союза писателей РСФСР в 1965–1966 гг. и.о. ответственного секретаря Е.А. Зиборов отмечал: «Петр Прокурин, хорошо известный всесоюзному читателю романом «Горькие травы», закончил работу над новым романом в 25–26 п.л. «Мужчины, как они есть» — романом о трудных днях Великой Отечественной войны... Темпланом издательства «Советская Россия» запланирована книга П.Л. Прокурина»⁷.

В справке о работе членов Орловского отделения Союза писателей РСФСР над произведениями, посвященными 50-летию Октябрьской революции, указывалось: «Петр Лукич Прокурин, член СП, известный писатель. Его роман «Горькие травы» выдвинут на соискание Ленинской премии 1966 года. Сейчас Петр Прокурин заканчивает работу над романом о днях Отечественной войны в средней полосе России. Роман объемом 25–26 п.л. называется «Мужчины, как они есть» и будет закончен автором в ближайшие дни. Выйдет в свет в издательстве «Советский писатель»⁸. 31 октября 1966 года ответственный секретарь Орловского отделения Е.А. Зиборов сообщил секретарю правления СП РСФСР В.Н. Шишкову, что над произведениями военно-патриотической темы в Орле работают В.А. Мильчаков, П.Л. Прокурин и Е.А. Зиборов⁹.

В марте 1966 года на собрании отделения рассматривался вопрос (вторично, т.к. первое ходатайство было отклонено в Москве) о предоставлении писателю

А.Н. Яновскому творческой командировке в Восточно-Казахстанскую область для завершения его многолетнего труда — «Книги о маленьких новоселах». Судя по протоколу, Прокурин высказался в поддержку инициативы своего коллеги: «Следует просить секретариат правления [Союза писателей РСФСР] разрешить командировку Яновскому»¹⁰.

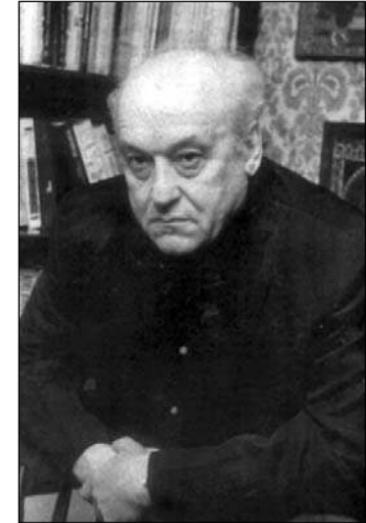
Помимо писательского круга, в сфере общения Прокурина в Орле были литератороведы — доценты местного педагогического института Михаил Минокин и Владимир Громов, журналисты: преемник Патенкова¹¹ на посту редактора областной газеты Сергей Коробков, сотрудник редакции Виктор Высокосов (майор-артиллерист в отставке, он иногда консультировал писателя по военным вопросам). Были творческие встречи в музыкальном училище, в той же редакции «Орловской правды». В ноябре 1965 года газета опубликовала большой отрывок из романа «Мужчины, как они есть» (это было рабочее название, в последующем — «Исход»). В редакционном предисловии было сказано: «Орловский писатель

Петр Прокурик хорошо известен читателям своим романом «Горькие травы» и другими произведениями. Сейчас он завершает работу над новым романом «Мужчины, как они есть», в котором рассказывается о людях, прошедших сквозь огонь войны с фашизмом. Роман будет печататься в журнале «Сибирские огни» в 1966 году, отдельной книгой выйдет в издательстве «Советский писатель». Предлагаем нашим читателям главы из нового романа Петра Прокурина»¹². Отрывок был напечатан в четырех номерах газеты с продолжением — 2, 3, 4, 5 ноября. Спустя полвека, современному читателю аннотация может показаться суховатой: областная газета, очевидно, могла бы сказать о талантливом земляке куда теплее и ярче. Примечательно и то, что «Орловская правда» в 1965 году почти не упоминала о Прокурине — за исключением публикации отрывка из романа. В молодежной газете «Орловский комсомолец» присутствия Петра Прокурина в 1965 году тоже нет — ни публикаций его произведений, ни интервью, хотя подшивка богата литературными страницами, краеведческими публикациями, статьями о войне, о партизанах и подпольщиках. В 1966 году в «Орловской правде» под рубрикой «Произведения, выдвинутые на соискание Ленинской премии» была напечатана рецензия директора музея И.С. Тургенева, литератора Л.Н. Афонина на роман «Горькие травы»¹³, в следующем году — его же рецензия на роман «Исход»¹⁴. Суть оценок Афонина можно выразить цитатой из второй рецензии: «Талант Петра Прокурина набирает силу, мужает и крепнет»¹⁵.

В начале декабря 1965 года в еженедельнике Союза писателей РСФСР «Литературная Россия» был напечатан рассказ Петра Прокурина «Вечерняя заря»¹⁶ с посвящением «Памяти Ивана Михайловича Патенкова» и указанием адреса автора в конце публикации — «гор. Орел». Затем рассказ вошел в литературный сборник «Орел-город» (Тула, 1967), составленный Л.Н. Афониным и Л.Л. Сапроновым и посвященный 400-летию города.

За годы жизни в Орле и чуть позже на орловском материале Прокурик написал и опубликовал в центральной газете «Правда» несколько очерков. Л.Р. Прокурина вспоминала: «Он был публицист от Бога, и публицистику печатал сразу на машинке, почти без правки. А художественная проза проходила несколько вариантов, несколько совершенно законченных циклов»¹⁷.

Когда Советский Союз готовился, впервые после периода замалчивания, харак-

Петр Лукич Прокурик

терного для времени правления Н.С. Хрущева, всенародно отметить День Победы, в главной партийной газете страны появился очерк Петра Прокурина «Сердце России»¹⁸ — большой подвал на второй полосе. Прокурин вначале познакомил читателя с 90-летним, немало испытавшим в годы Великой Отечественной войны дедом Кондратом, который в теплый весенний день проверяет пахоту: «Мне хорошо стоять рядом с ним, и я думаю о том, что в любой рязанской, орловской, калужской или брянской деревне есть свой такой вот дед Кондрат, который глядит на все вокруг мудрыми, выгоревшими от времени стариковскими глазами. Я думаю о великой силе зерна, льющегося в землю, о людях, издавна населяющих эти брянские, скучные на отдачу, поля и леса, думаю о стране, свернувшей в сторону с привычного проторенного пути и пошедшей по великому бездорожью, где каждый шаг был открытием и победой [...] Земля гудит, вечные силы бродят в ней, неизбывные силы России, и пусть рождаются дети, если мы чего-нибудь не успеем, они завершат».

Ведя неявную полемику с совсем недавним замалчиванием многих страниц военной истории, Прокурин в этом очерке подчеркивал непреходящую ценность Памяти о войне. И его публистика стала гимном не только Победе, но и установленному с той поры празднованию этого исторического события. А это значило, что не только Советский Союз, но и вся планета должна видеть, как нужен всем нам мир. Прокурин писал: «Чтобы победить фашизм и войну, нужно говорить правду: нельзя уступать ни одной капли истины, здесь нужно быть беспощадным. Я вспоминаю о своих детях, думаю о том, что сейчас на земле много здоровых, сытых детей в городах и селах. Они не знают рева снарядов и пороховой гари и не должны узнать, но они не имеют права забыть то, что сделали для них отцы».

Другой очерк Прокурина — «Красная нить»¹⁹ — был напечатан в «Правде» в двух номерах (с продолжением) и состоял из нескольких частей: гимн лошади, рассказ о старухе в заброшенной деревне, история святого колодца, рассказ об одном дне секретаря сельского райкома партии и т.д.

Тема возрождения «лошадиных сил» на российских просторах, признаем, являлась достаточно традиционной для публистики тех лет и, на мой взгляд, намеренно была поставлена автором в начало очерка. А вот дальше следовал переход к куда более рискованной теме: писатель поведал всесоюзному читателю о том, как на Орловщине ретивые исполнители совсем недавно пытались уничтожить святые места — так, Подкопаевский источник у реки Сосны (ныне Малоархангельский район. — А.К.) полмесяца утуяжили два бульдозера. Прокурин в этой части очерка не пытался выступить в роли обличителя и найти патетические слова для пафосной критики. Он лишь мудро резюмировал: «Здоровый инстинкт народа неумолимо выправляет всяческие ненужные зигзаги момента, лишенные корней и необходимости». В последующем повествовании — ода тургеневскому Спасскому-Лутовинову, рассказ о пожилой селянке, которая в космический век верна традициям и верит в будущее. Прокурин писал: «Неповторимы наши удивительные русские старухи, с их ясностью и с их норовом, с их красочной емкой речью». Продолжение очерка в следующем номере (по композиции местами он был выстроен как очерк путевой) начиналось с рассказа о буднях секретаря Малоархангельского райкома КПСС Чернышова — его круге общения, проблемах, о сделанном в районе. Причем фоном «портрета» стала жатва. После недавних, прямо сказать, небогатых на хлеб наступивший хрущевских лет перед читателем представала картина изобильного лета, ломящихся от зерна закромов и тому подобного. Но не этим итогом в стиле кинофильма «Кубанские казаки» решил Прокурин завершить свой сыновний рассказ о России. Финалом очерка стали размышления автора по поводу зажжения Вечного огня на Мамаевом кургане в память о защитниках Сталинграда (эта церемония состоялась 15 октября 1967 года, то есть ровно за месяц до выхода в свет газеты с очерком). Прокурин писал: «Как сказать о России, о земле, давшей тебе жизнь и вскормившей тебя? Что сказать о народе, дав-

шем тебе прекрасный язык и право быть самим собою? [...] Да, у кого нет прошлого, у того не быть будущему, но прошлое становится силой лишь тогда, если его не приходится потом стыдиться, если оно проросло в будущем добром и разумном [...] Несомненно, есть вечный огонь жизни, живая нить нескончаемых человеческих дел и добра, а именно она соединяет все на земле и дает всему смысл!».

Нести в жизнь посильное добро и любовь — таким было обращение Петра Прокурина к многомиллионной читательской аудитории «Правды». В этой же газете под названием «Поединок» был напечатан и отрывок из его романа «Камень сердолик»²⁰.

В «орловский период» имя Петра Прокурина весьма часто можно было встретить на страницах литературных журналов, в рецензиях, которые публиковали центральные газеты. Например, в «Комсомольской правде» будущий известный критик и литератор Виктор Чалмаев писал о выдвинутых на соискание Ленинской премии проскуринских «Горьких травах»: «Гуманистическим пафосом силен роман, это его качество делает его значительным произведением нашей прозы, определяет меру успеха художника»²¹. В опубликованной «Литературной газетой» рецензии В. Дорофеева наличествовали и похвала, и критика романа «Горькие травы»²². В первую очередь, Дорофеев упрекал автора в том, что его произведение «смонтировано» из массы добрых и беглых зарисовок. Однако рецензент делал вывод, что Прокурин писатель многообещающий, «владеет искусством повествования — простого, вдумчивого, увлекательного, местами драматичного, местами комичного». В напечатанном той же газетой обозрении И. Травкиной²³ позитивно был отмечен рассказ «Снова дома», вышедший в восьмом номере журнала «Знамя».

Августа Ананьева в обозрении «Преувеличение чувств»²⁴ отмечала: «В романе Петра Прокурина [«Горькие травы»] действие происходит в гуще народной жизни, и основа, почва, на которой действуют герои, — вся страна, ее натужная работа после войны, ее горький, тяжелый хлеб, и нелегкие думы о разоренном хозяйстве... Петр Прокурин сумел увидеть острые углы общественной жизни, понять их причины, сплести воедино с личной судьбой каждого человека; ряд превосходно написанных глав (хотя вообще-то, к сожалению, роман неровен), щемящее чувство тяжелейших утрат, принесенных войной и культом, единство общественных и личных невзгод и сила победившей справедливости — все это разворачивается перед читателем большим полотном, историей удивительных и трудных лет»²⁵.

Откликнулся на творчество молодого, но даровитого прозаика и «Подъём». Во 2-м номере за 1967 год была напечатана статья В.Н. Шишова «Мужание таланта». Подробно проанализировав целый ряд произведений, критик сделал вывод: писателя привлекает прежде всего героика подвига военных лет, его герои жертвуют собой ради будущего: «Прокурин больше всего тяготеет к материалу драматическому, остроконфликтному, трагическому. Он нетерпим к любому проявлению зла, ханжества, двоедушия. Гуманизм писателя воинствующий, четко определивший для себя границу добра и зла»²⁶. Завершалась статья такими пафосными словами: «П. Прокурин входит сейчас в пору творческой зрелости. Он принадлежит к тем писателям, которые создают мужественные книги, зовущие к борьбе за осуществление великих идеалов нашего общества. Недавно он покинул Дальний Восток и поселился на родной Орловщине, рядом с героями своих книг. Тесно связанный с жизнью народа, Петр Прокурин черпает в его глубинах идеи и образы для своих произведений. Его талант музкает и набирает силу»²⁷.

Пожалуй, самый содержательный архивный документ «орловского периода» Петра Прокурина — стенограмма собрания писательской организации, посвященного разбору конфликта двух ее членов — Евгения Горбова и Анатолия Яновского. Поводом для сбора писателей послужила публикация в газете «Орловский комсомолец» подготовленного Горбовым материала «Верхом на канистре: размышления над третьями книгами»²⁸ с критикой Яновского за непрофессиональное отношение к своему твор-

честву (довольно сложно определить жанр объемистой публикации — сатирическая рецензия, фельетон, памфлет?). Как вспоминают очевидцы, выступление газеты вызвало в Орле бурную реакцию. Подвести черту под нешуточным конфликтом и было призвано писательское собрание (в хранящейся в архиве стенограмме дата собрания не указана), тем более, что в редакционном послесловии говорилось: «Редакция надеется, что выступление газеты станет темой серьезного разговора в Приокском книжном издательстве и в Орловском отделении Союза писателей РСФСР».

Как только собрание началось, слово взял Петр Проскурин: «Мы никогда не выбиляем председателя [собрания], секретаря. Все ведет ответственный секретарь. Это нарушение нормы. На каждом собрании нужно выбирать товарища, который [бы] вел собрание. Я никогда так не встречал, как здесь».

Затем он перешел к сути вынесенного в повестку дня вопроса: «Статья [...] как бы предмет поговорить более широко о работе нашего отделения. Я живу здесь более полтора лет. Все как-то не получается поговорить о работе отделения. Все уходят в сторону, смешками отдельываются. Эта статья вскрыла неблагополучие в отношениях между писателями, между писательской организацией и общественным мнением, газетами и т.д. Поэтому стоит задуматься по-серьезному вообще об отношении нашем в отделении, о работе в нашем отделении, есть ли она или нет. Прежде чем перейти к оценке статьи, хотел сказать вот что. Все-таки, если вошел человек в писательскую организацию, приняли в Союз писателей, надо проконсультироваться. Это элементарная норма. Однако этого не произошло. Может, и консультировались закрытым путем. Я не слышал [...] В крайнем случае, если бы авторитет писателя стоял хотя бы на среднем уровне, такая статья не могла пройти мимо Союза писателей. Действительно, что происходит в Союзе? В Союзе получается совершенный застой. Если что-то ведется, то ведется со скрипом или в один момент делается. Взять хотя бы здание. Сколько можно говорить о здании? Если выйти во двор и посмотреть: все репьями заросло. Какое вдохновение должно быть, когда приходишь в Союз? Работы пока не видно. Сборник делается? Это еще не все. Работа заключается в утверждении авторитета писателя среди народа. Посмотрите, я перейду к самой статье. Что получается? Получается некоторый душок в этой статье, который чувствуют обыватели. Что в этой статье, какой криминал? Статья написана раздраженно. Если бы товарищ Горбов, зрелый писатель, зрелый человек, вполне объективно, вполне доказательно разобрался с недостатками в творчестве Яновского, разобрался со всей достоверностью, он не пошел бы по этому пути, а пошел он по пути обвинительного акта. Он называет Яновского халтурщиком. Бездоказательно. Согласен с Яновским в том отношении, когда из повести делает рассказ, из рассказа делает пьесу — это закономерный литературный процесс. Появляется замысел, выкладывается рассказ. Проходит год, материал углубляется, писатель пишет пьесу. Например, Крутилин, Гончар с «Тронкой», Алексеев, Владимир Федоров — «Сумка, полная сердец». Здесь статья в некотором смысле просто недобросовестная. Когда называют человека чуть ли не стяжателем без доказательств, это смахивает на хулиганство. Просто, товарищ Горбов, нужно хорошо знать то, что никто еще не опроверг. Если будем разбирать статью со стороны «Орловского комсомольца», то из сноски от редакции ясно видно, что эта статья направлена на Сидельникову (речь идет о супруге Яновского, работавшей редактором областного отделения Приокского книжного издательства. — А.К.). Козлом отпущения становится муж. Так что построена она [публикация] очень хило, если разбираться серьезно. Никакой критики не выдерживает. Я мог также с художественных позиций разбирать, критиковать, доказывать. В критике сталкиваются мнения, рождается новый замысел. Какой авторский замысел может родиться из такой статьи? Человека обвиняют в том, что он забрал бумагу. За 15 лет вышло листов [печатных] 15. Утверждение, что за 15 лет забрал бумагу, не выдерживают никакой критики. Все мы здесь собрались, обсуждаем статью. В творчестве Яновского есть вещи. Я прочитал три книжки, вы можете не запомнить, я запомнил. «Горнисты

идут впереди», «Наследники», «Приключения Сеньки-Чапая». Прочитал эти книжки. Есть вещи, за которые нужно критиковать, нужно указать [на недостатки]. Если бы рецензент попался более объективный, заинтересованный в духовном росте писателя, он мог бы избежать многих досадных вещей. Можно было не так казенно. В основной книжки детьми будут читаться, и мною читались с приятным чувством. В них много патриотического, много сделано хороших страниц, хороших рассказов, хороших кусков. А когда так, так можно просто убить. Я не знаю отношений между ними. Но Горбов давал рекомендацию, а потом в конце статьи удивляется, делает вид, что не знал, что человек принят в Союз [писателей]: «Я прочитал, что Яновский член Союза писателей, и подумал: «Очень печально»». Я не верю Горбову, в моих глазах он просто двоедущен, когда давал рекомендацию этому самому человеку. Можно было бы доброжелательно, без раздражения, без всяких ссылок. При чем Яновский и тульское [Приокское] издательство? Совершенно ни при чем. Если счеты с женой, то это можно в административном порядке разобрать.

Я оставляю за собой право выступить [на собрании еще раз]. Я хочу подвести итоги. Статья мне кажется недоброжелательной, в некоторых аспектах хулиганской. С членами Союза так разговаривать нельзя. Бездоказательна. Там Яновский назван халтурщиком, стяжателем, портняжкой. Есть же нормальные, человеческие отношения. Я считаю, что книга Яновского не заслуживает такой критики. Она заслуживает доброжелательного разбора, нормального, критического. Она принесет свою пользу детям. Если читать с позиции взрослого человека, имеется эта детскость. Трудно писать для детей. Дети по-другому видят. Это как раз то, что нужно. Жаль, что такие статьи у нас появляются.

Теперь хотел бы несколько слов сказать о работе Союза [писателей в Орле]. Не знаю, как другие товарищи, но я здесь столкнулся с нездоровым отношением к писателям и среди самих писателей. Здесь нет писательского авторитета. Когда говоришь, что ты писатель, то это то же самое, если ты сказал, что ты ассенизатор. Это надо воспитывать в организации и организацией.

Я жил в большой организации — до 30 человек. Там критиковали друг друга, ругались друг с другом, доказывали друг другу, но такая статья там была невозможна. Эта статья портит не только писателя, но и лицо человека, потому что назвать человека хапугой, рвачом — это как обвинение прозвучало. Это прозвучало так, что он рвет деньги у государства²⁹.

Большое и эмоциональное выступление Проскурина вызвало разноречивую реакцию. Недавний руководитель писательской организации В.А. Мильчаков спорил с Проскуриным: «таскать» (т.е. давать в печать недавно опубликованные, но дополненные, с изменением жанра) произведения нельзя. А вот Р.К. Агишев, напротив, поддержал Проскурина. Собрание было долгим и бурным, однако, увы, не привело к каким-то кардинальным решениям. В то же время нельзя не отдать должное той писательской встрече: именно так, в ходе конфликтов, в относительно молодой организации (ее история насчитывала всего шесть лет) формировались этика взаимоотношений писателей, правила подготовки рукописей к изданию, выстраивались отношения с иногородними издательствами и т.д. И очень важно, что в это время четко и ясно звучал голос Петра Проскурина.

В 1968 году главный редактор газеты «Правда» М.В. Зимянин предложил орловскому прозаику должность специального корреспондента редакции. Семья Проскуриных покинула Орел, где прошли три года жизни. Так, в справке о творческой работе членов Орловской писательской организации (18 июня 1968 года)³⁰ Петр Проскурин уже не был упомянут. О его тесте Рустаме Агишеве было сказано: «Завершает работу над книгой повестей и рассказов различной тематики о наших современниках. В центре авторского взгляда — проблемы морального плана, человеческих взаимоотношений, сочетания личного и общего»³¹. Вскоре и семья Агишевых покинула гостеприимный город и перебралась в Калинин (ныне Тверь).

Л.Р. Прокурина вспоминала: «Я понимала, что такая вольготная, свободная, радостная жизнь уже не повторится. Москва — это жестокий ринг, не для слабонервных, где успех надо все время поддерживать своею кровью, мужеством и характером. Петра Лукича забрали в «Правду», он стал спецкором, ездил по стране, забираясь в самую глубинку»³².

Но дороги всегда вели Прокуриных в Орел. Здесь Петра Лукича помнили и ждали. Он был избран почетным членом писательской организации, а затем Почетным гражданином города. В 1999 году писатель передал в фонды Орловского государственного литературного музея И.С. Тургенева рукописи четырех романов и всех повестей и рассказов, написанных в «благословенные орловские годы». «В Орле — наше сердце, наши дети — литературные», — говорила Лилиана Рустамовна.

Именно Орел, город Тургенева и юности Бунина, мы можем назвать тем местом, где Петр Прокурин задумал свои главные романы о Захаре Дерюгине, которые в конечном счете выились в трилогию «Судьба». Кропотливая работа с рукописями и архивом писателя в целом, детальное изучение реалий орловской жизни 1960-х годов, восстановление круга общения Прокурина в Орле должны помочь нашим современникам понять, как, на какой почве рождалась классическая проза XX века России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Парпара А. Беседы с Петром Прокуриным. М.: Изд-во Фонда имени М.Ю. Лермонтова, 2015. С. 14.

² Яновский Н. Трудный путь // Сибирские огни. 1965, № 10. С. 166–175.

³ Там же. С. 173.

⁴ Прокурин П. Словом не убий: главы из автобиографической книги // Наш современник, 1982, № 6. С. 62–63.

⁵ Государственный архив Орловской области (далее — ГАОО). Ф. 3603. Д. 41. Л. 5.

⁶ Прокурина Л. Слово о Петре // Русский вестник. — 2006, 10 июл.

⁷ ГАОО. Ф. 3603. Д. 44. Л. 3, 4.

⁸ ГАОО. Ф. 3603. Д. 49. Л. 8–9.

⁹ ГАОО. Ф. 3603. Д. 46. Л. 13.

¹⁰ ГАОО. Ф. 3603. Д. 43. Л. 4.

¹¹ И.М. Патенков умер в марте 1965 г.

¹² Орловская правда, 1965, 2 нояб. С. 4.

¹³ Афонин Л. Правда жизни народной // Орловская правда. 1966, 21 янв. С. 2.

¹⁴ Афонин Л. Роман о войне народной // Орловская правда. 1967, 25 июл. С. 3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Литературная Россия. 1965, 3 дек. С. 5–7.

¹⁷ Прокурина Л. Слово о Петре // Русский вестник. — 2006, 10 июл.

¹⁸ Правда, 1965, 3 мая. С. 2.

¹⁹ Прокурин П. Красная нить // Правда, 1967, 15–16 нояб.

²⁰ Правда, 1968, 28 янв. С. 3.

²¹ Чалмаев В. Жаркий костер (на соискание Ленинской премии) // Комсомольская правда, 1966, 19 янв. С. 3.

²² Дорофеев В. Жизнь, взятая широко // Литературная газета, 1964, 22 дек. С. 9.

²³ Трактина И. И ясным днем, и в дождь... // Литературная газета, 1967, 13 сент. С. 6.

²⁴ Ананьева А. Преувеличение чувств // Сибирские огни, 1966, № 2. С. 169–176.

²⁵ Там же. С. 173.

²⁶ Шишов В. Мужание таланта // Подъём. 1967. № 2. С. 142.

²⁷ Там же. С. 145.

²⁸ Орловский комсомолец, 1966, 28 авг. С. 4.

²⁹ ГАОО. Ф. 3603. Д. 59. Л. 12–15.

³⁰ ГАОО. Ф. 3603. Д. 56. Л. 5–6.

³¹ ГАОО. Ф. 3603. Д. 56. Л. 6.

³² Прокурина Л. Слово о Петре // Русский вестник. — 2006, 10 июл.